

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты
и процессы. Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social structure, social institutions and processes
Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК: 316.752

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4\(6\)-110-123](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4(6)-110-123)

Силинская волость Симбирского Поволжья: дискурс-анализ жизненного уклада и духовно-культурного пространства населения

Ирина Геннадьевна Кильдюшкина^{1a}✉,
Анастасия Юрьевна Яковлева^{2b}✉

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия

² Татарская государственная филармония имени Габдуллы Тукая,
Казань, Россия

^a irakil1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>

^b 8nastya8@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>

Аннотация: Статья содержит ряд мало изученных фактов из истории Симбирского Поволжья второй половины XIX века, позволяющих осмыслить историко-культурную панораму генезиса и бытия процессов, происходивших в Силинской волости Ардатовского уезда. Показаны особенности географического положения и климатических условий территории, занятий местного населения (огородничество, садоводство, пчеловодство, промышленность, социокультурная сфера, кустарные промыслы, иные ремесла и др.). Особое внимание сфокусировано на благосостоянии и здоровье крестьян, в контексте их совокупного подушевого налогообложения, выкупных средств, платежей и прочих трат, связанных с домашним бытом, привычками и девиантным поведением. Представлены бытовавшие в границах губернии и в формате ритуалосферы главные христианские поверья, закреплявшие сложившиеся духовно-нравственные

коммуникационные практики соблюдения старинных обычаев при совершении свадебных церемоний, погребений, мероприятий по купированию эпидемии, которые остаются вне поля зрения как социума, так и научного сообщества.

Ключевые слова: жизненный уклад, краеведение, духовная жизнь, Силинская волость, Ардатовский уезд, Симбирское Поволжье, Симбирские губернские ведомости

Для цитирования: Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю. Силинская волость Симбирского Поволжья: дискурс-анализ жизненного уклада и духовно-культурного пространства населения // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 4(6). С. 110-123. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4\(6\)-110-123](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4(6)-110-123).

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4\(6\)-110-123](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4(6)-110-123)

Silinskaya Volost of the Simbirsk Volga Region: Discourse Analysis of Life Ways and Spiritual and Cultural Practices of the Population

Irina G. Kildyushkina^{1a}✉, Anastasia Yu. Yakovleva^{2b}✉

¹Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

²Tatar State Philharmonic named after Gabdulla Tukay, Kazan, Russia

^airakil1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>

^b8nastya8@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>

Abstract: The article presents a number of unknown facts from the history of the Simbirsk Volga region in the second half of the 19th century. They make it possible to show the origin and development of historical and cultural processes in the Silinsky volost of the Ardatovsky district. The features of the geographical location and climatic conditions of the territory, the occupations of the local population (gardening, horticulture, beekeeping, industry, handicrafts, other crafts, etc.) are shown. Attention is focused on the welfare and health of peasants, their poll - tax, redemption funds, payments and other expenses connected with household life, habits, including deviant behavior, are considered. The spiritual and moral practices that existed in the province, Christian beliefs and rituals of observing ancient customs during wedding ceremonies, burials, rituals to combat epidemics, which remain outside the field of view of the scientific community, are presented.

Keywords: way of life, local history, spiritual life, Silinskaya volost, Ardatovsky uyezd, Simbirsk Volga region, "Simbirskie gubernskie ведомости"

For citation: Kildyushkina I.G., Yakovleva A.Yu. Silinskaya Volost of the Simbirsk Volga Region: Discourse Analysis of the Way of Life and Spiritual and Cultural Practices of the Population. Russia & World: Scientific Dialogue. 2022; 4(6): 110-123. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4\(6\)-110-123](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4(6)-110-123).

Введение

Неповторимость, уникальность и многообразие являются важными свойствами, привлекающими внимание исследователей, особенно в части понимания «образа будущего» или уточнения «смыслов» в прошлом, на уровне историко-культурных процессов в регионах России XIX века. В этом контексте авторами исследованы историко-культурные, экономические, духовно-нравственные коммуникационные практики и политические константы, в которых действует региональный актор. Рассмотрены способы урегулирования конфликтов в сфере национальной / государственной идентичности в прошлом, которые могут иметь значение для процедур урегулирования на региональном уровне в будущем.

Цель исследования определяется двумя аспектами: во-первых, необходимостью воссоздания целостной картины развития Силинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии во второй половине XIX века, с введением в научный оборот новых фактов, что позволяет не только выявить неточности, но и пересмотреть ранее сделанные выводы; во-вторых, реактуализированностью, переоценкой открывшихся проблем и опыта их решения на региональном уровне. Это может иметь значение при определении стратегии развития территории.

Материалы и методы

Новые информационные ресурсы, не успевшие войти в научный оборот и исследуемые в синергетическом контексте локального краеведческого исследования и концепции пассионарности Л.Н. Гумилева (4; 7; 8), позволяют по-новому взглянуть на политические, социально-экономические, культурные и религиозно-конфессиональные процессы, происходившие в одной из ее административно-территориальных единиц. Обратившись к архивным документам и материалам, включающим сообщения писаря Силинского волостного правления Ардатовского уезда Петра Варламова¹, опубликованные в неофициальной рубрике «Симбирских губернских ведомостей» за 1866 год, секретаря Симбирского губернского статистического комитета М.В. Арнольдова и одновременно редактора указанной газеты, постараемся их сопоставить для воссоздания аналитической матрицы о Силинской волости Ардатовского уезда Симбирского Поволжья.

Для формирования теоретико-методологической основы исследования использовались научные подходы, применявшиеся в трудах А.А. Акуловой, С.А. Арутюнова, О.Н. Астафьевой, Е.А. Журавлевой, Л.Ю. Комплеевой, Г.И. Королевой-Конопляной, И.А. Купцовой, Н.Б. Лебиной, Л.Г. Скульмовской, В.В. Шалина, Г. Чернера и др., посвященных переосмыслению имперского наследия России в разном историко-хронологическом диапазоне, но при этом характеризующихся слабым использованием региональных особенностей при

¹ Здесь и далее при упоминании П. Варламова будут использованы следующие источники: Варламов, П. (1866), «Описание Силинской волости», Симбирскія губернскія ведомости, № 5, 15 янв.; № 6, 18 янв.; № 7, 20 янв.

формировании региональной модели государственного устройства. Источниковую базу изыскания составили прежде всего фонды Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), фонда по Ардатовскому уезду (Силинская, Талызинская волости) Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), Народного архива Самарской и Симбирской губерний, другие материалы по истории и статистике Симбирской губернии.

В процессе исследования письменных текстов, как источников научной и социокультурной традиции, их обобщения и интерпретации полученных результатов, применялись следующие научные методы: системный, синергетический подходы к изучению социальных процессов и явлений, общенаучного анализа и синтеза, исторической ретроспективы, историко-генетический, преемственности. Это позволило авторам создать интегративную институционально-отраслевую картину этнокультурогенеза в провинции в ракурсе парадигмы пассионарности Л.Н. Гумилева и функционала культуры Ю.В. Бромлея как развивающегося, многостороннего явления духовно-нравственных и общественных отношений. При ее построении авторы исходили из принципов историзма, объективности и системности гуманитарного знания, что способствовало выполнению поставленных задач.

Результаты исследования

Во второй половине XIX века раскол не затронул еще территорий Ардатовского уезда, где господствовала православная вера. Однако в понимании русского простолюдина Симбирская губерния считалась одной из богатейших в России на специфические местные поверья (2; 3), подробное описание всех оттенков которых заняло бы немало места. В связи с этим упомянем лишь главнейшие из них, бытовавшие в границах бывшей Силинской волости², предварив повествование тонкостями географического положения очерчиваемой территории, отображения имеющихся на ней объектов сельскохозяйственного назначения, промышленной инфраструктуры и социокультурной сферы, особенностей духовно-нравственных традиций, привычек и поведения местного населения.

По данным 1-й ревизии (1721), помещичье село Силино входило в Верхопьянский стан Алатырского уезда. Согласно «Списку населенных мест Симбирской губернии» (1863), это было уже владельческим селом Ардатовского уезда, состоящим из 33 дворов (266 человек), в котором имелась церковь³. О Силинской волости появляются эпизодические исторические данные, взятые из Фонда по Ардатовскому уезду, которые отчасти характеризуют деятельность местного населения:

Банка при Волостном Правлении нет, через волость проходит большая Московская дорога из города Симбирска на город Москву. Базаров в волости нет, но 8 Июля в

² Село Силино ныне Ардатовского района Республики Мордовия, административный центр Силинского сельского поселения; расположено на р. Мене, в 28 км от райцентра и 39 км от железнодорожной станции Ардагов.

³ Силино (Мордовия) (2021). URL: <https://ru.wikipedia.org>.

селе Липовка ежегодно бывает довольно незначительная ярмарка под названием „Казанская“, установленная для потребностей крестьян окружающих селений. Жители волости большею частью занимаются хлебопашеством, но и небольшая часть в летнее время отправляется в низовые места на полевые работы. Самая незначительная часть из жителей занимается и кустарною промышленностью, а именно: портняжеством и кузнечеством, и то в свободное от полевых работ время, и занятия эти не составляют главного промысла при земледелии⁴.

По описанию П. Варламова, р. Меня разбивала Силинскую волость на гористую, овражистую левобережную часть и более низменную, незаметно возвышающуюся к лесным массивам, правобережную. Между деревнями Неусыпаевка и Солдатское, с правой стороны, в нее впадал ручей Румлейка с крутыми берегами, начинающийся из лесных дач удельных крестьян с. Монадыши. Там же, при д. Ульяновке, несла свои воды в Меню речка Вачька из дач с. Чедаевка Чедаевской волости, так называемого Старцева угла⁵. Именно это место было известно своим Спасо-Преображенским монастырем (пустынью), по преданию, разграбленным какими-то разбойниками. В оставшемся погосте впоследствии жили священно- и церковнослужители, переселившиеся в Чедаевку после строительства там новой церкви. С XVII века ежегодно проводимые Спасские базары и ярмарки (двухдневные, 26 июня и 6 августа, и зимой на Николу, с 19 по 25 декабря, на праздник высокочтимого в окрестности Спиридона Тримифунтского⁶), лучшие по статусу⁷, из «Старцева Угла» были переведены в с. Большое Талызино (2)⁸, позже переименованное в Торговое Талызино. Наполовину разрушившаяся церковь да вековая сосна, как

4 Фонды по Ардатовскому уезду Симбирской губернии. Дела для поиска генеалогической информации и любителям краеведения. Силинская волость (1897–1917). URL: <https://forum.vgd.ru/post/531/72850/p2203418.htm>

5 Спасо-Преображенская пустынь, в народе – «Старцев Угол», находится ныне у с. Горки, на стыке границ Республики Мордовия и Сеченовского района Нижегородской области – отправная точка распространения православия на земле мордовской. Ежегодно, в Духов день, здесь совершается богослужение. В глубоких оврагах в давние времена старцы читали молебны, являлись местночтимые батюшка Серафим Саровский, святитель Лука Войно-Ясенецкий. Тайно, под видом печников, посещали эти места митрополиты Иоанн (Снычев) и Мануил (Лемешевский). Их прошениями исцелялись немощные и тяжелобольные, устраивались судьбы благочестивых христиан. Существует множество сказаний о «Старцевом Угле» и походах Ивана Грозного на Казань. Пустынь упразднилась и возрождалась, как, например, сейчас. Схимонахиня Маргарита строила последнюю женскую общину в этом намоленном месте. В 1930-е годы ее уничтожили, разрушив кельи и часовни, монахов расстреляли и закопали тут же, в овраге. По легенде, церковь с монахами ушла под землю, где сейчас возвышается холм, под которым, из оврага, забили четыре родника с разной по составу водой: св. Николая Чудотворца, Безымянный, Святого Воскресенья (Спасов), св. Чудотворца Спиридона Тримифунтского. Тропинка от одного из источников ведет к Святой горке с целительными свойствами.

6 Ларькина О. (2003), Схимонахиня Маргарита. URL: https://благовестсамара.рф/-public_page_8209?

7 Фонды по Ардатовскому уезду Симбирской губернии. Дела для поиска генеалогической информации и любителям краеведения. Талызинская волость (1897–1917). URL: <https://forum.vgd.ru/post/531/72850/p2203418.htm>

8 Это подтверждается информацией, содержащейся в документах ЦАНО (Ф. 4. Оп. 1а. Д. 18. Ярмарки 1780 г.; Ф. 61. Оп. 216. Д. 84. Ярмарки 1865 г.; Ф. 60. Оп. 236. Д. 127а. Ярмарки 1906 г.). Также см.: Ледров С. (1920-е годы), «Карта „Ярмарки Нижегородского края в XVII – первой трети XX века“». URL: <http://ledrov.ru/history/bazary-yarmarki/64-yarmarki?>

свидетели незапамятных старцево-угольских обиталищ, наблюдались и во второй половине XIX века.

По Мене простирались сочные луга, остальные же земельные участки по ее берегам обрабатывались. Общая площадь всех пахотных владений в Силинской волости, числящихся за семью хозяевами⁹, составляла 6 241 дес. 150 саж. [6 802,69 га 320,04 м. – И.К., А.Я.], сенокосной – 432 дес. 2 300 саж. [470,88 га 4 907,28 м], выгонной – 80 дес. 665 саж. [87,2 га 1 418,844 м]; усадьбы и конопляники занимали 72 дес. 1 400 саж. [78,48 га 2 987,04 м] ее территории, лес дровяной и кустарники – 330 дес. 1 453 саж. [359,7 га 3 100,1208 м. – И.К., А.Я.]¹⁰. Других водных систем, кроме упомянутых П. Варламовым Мени, Румлейки и Вачьки, не имелось. В небольших озерах-старицах, образовавшихся между устьями Мени и Вачьки, обитал карась. Примечательно, что в самих речных акваториях шириной от 1 до 3 саж. кроме пескаря и гольца никакой другой рыбы не водилось¹¹. В суглинистой почве на берегах рек встречались примесь камня, в русле – сланец, пропитанный нефтью, приносимый сверху по течению реки весенними водами. Почва была плодородной, черноземной, содержание гумуса в ее перегнойном слое достигало 12%, глубина горизонта колебалась от 1 вер. до 3 четв.¹²; подпочвенный состав – суглинистый. В некоторых населенных пунктах (например, в с. Монадыши) из местной глины выделялся кирпич.

Обогащали землю преимущественно хлеwnым навозом, вывозимым крестьянами на доставшиеся им в надел загоны. К подобному способу повышения ее продуктивности и качества мужики, в понимании П. Варламова, «приступили бы еще с гораздо большим рвением, если бы не было общинного владения». О результатах удобрения участков костью (костяным удобрением), начатого в имении господина Гребнера, по причине отсутствия автор не писал, а вот насчет земледельческих орудий он отметил, что пока это были обыкновенная соха и борона с железными зубьями, для снятия хлеба – серп; еще Гребнер ввел изобретенную им «рыхалку».

В основном силинцы занимались хлебопашеством как средством к поддержанию жизни. Небольшая часть крестьян в летнее время отправлялась в низовые места на полевые работы¹³. По данным П. Варламова, крестьяне, получивши незначительный надел, снимали и обрабатывали свободные земельные участки. Трехпольная система полеводства не выделялась от остальных по волости – одно поле засевалось рожью, другое – яровыми культурами, состоящими главным образом из овса и гречихи; затем засевались горох, полба, ячмень и просо (по большому счету, для себя, а не для продажи). До 1846 года в этих краях выращивали даже яровую пшеницу, от которой вскоре при-

9 Лесов в собственности крестьян не фиксировалось.

10 Народный архив Самарской и Симбирской губерний. Силинская волость (2022). URL: <https://mmdvshg.forum2x2.ru/f22-forum>.

11 Речной «брат» гольца – хищник из семейства лососевых, редкий вид полезнейшей по своим свойствам рыбы, внешне похож на форель!

12 Одна верста соответствует нынешним 1 066,8 м, до реформы XVIII века – 1 066,781 м; 3 четв. – 533,4 мм.

13 Фонды по Ардатовскому уезду Симбирской губернии. Дела для поиска генеалогической информации и любителей краеведения. Силинская волость (1897–1917). URL: <https://forum.vgd.ru/post/531/72850/p2203418.htm>

шлось отказаться (перестала давать хорошие урожаи). Оттого, как правило, 2/3 ярового поля засеивалось овсом, остальная часть – мелкими зерновыми хлебами. В техническом плане, по наблюдениям волостного писаря, процесс выглядел следующим образом: под озимые посевы землю предварительно парили, после производили боронование и двоили, потом второй раз бороновали. Рожь большей частью сеяли под соху, ибо крестьяне были убеждены в том, что такая запашка на выходе дает крупнее колос и более наливное зерно. Семена для озимых посевов всегда использовались только из сжатой и обмолоченной перед посевом ржи («не свежий», годовалый, лежавший в закромах злак, обмолоченный с овинов, считался в этом плане неблагонадежным). Под яровые хлеба поле вспахивалось с весны, бороновалось и засеивалось таким же способом под соху (кроме проса). Из-за неимения времени иногда крестьянам приходилось сеять овес по невспаханной почве. Поскольку сеялок не было, то на хозяйственную десятину сеялось вручную из расчета: ржи – 12 поземельных мер, овса – 20, гороха – 9, проса – 1, ячменя – 24, гречихи – до 16, полбы 55½ меры. Первый весенний посев в округе начинался с овса и гороха сразу после стаивания снегов (с появлением возможности пахать) и завершался не позже 15 мая. Вторым по очереди в посевной кампании стояли просо и ячмень, заключительным – гречиха (ее сажали в последних числах мая или в первые дни июня).

На долю женщин и детей, как считает писарь, выпадала объемная и муторная прополка сорных трав в яровых хлебах, овсе, ячмене, полбе и просе. Урожайность снижали климатические условия, насекомоядные вредители и всевозможные болезни сельскохозяйственных культур. Здешние заморозки больше других вредили гречихе, а случавшиеся засухи (например, в 1864 году) сводили на нет все усилия крестьян в растениеводстве. Огромный урон озимым причинял хлебный червь, истреблявший целые поля. Молодые гороховые всходы поражала неизвестная серенькая козявка, просо – головня, вызываемая головневыми грибами, урожайность зерновых от которой падала на 20–30%. От спорыньи, не редкой во ржи, повсеместно страдали и люди, и скот с домашней птицей (например, обилен ею был урожай 1863 года).

Хлеба молотили в основном машинами, отдавая вместе с сушкой зерна в ригах, подсевкой и ссыпкой его в амбар, отвозкой соломы, по подсчетам П. Варламова, по 15 коп. серебром за 100 снопов (по сравнению с ручным способом меньше 20 коп. серебром за этот вид работ и не брали из-за неимения зерносушилок). Стоимость жнитва хозяйственной десятины с оплатой денег авансом с осени в зиму доходила до 2–5 руб., при летнем найме – 3–3,5 руб. Извоза снопов наймом не существовало. Зимнего работника, по его предположению, можно было нанять на период от осеннего заговенья до Пасхи за 8–10 руб., летом – от Пасхи до осеннего заговенья – за 20–25 руб.; работницу – 3–6 и 2–8 руб. соответственно. Например, в 1866 году цена одной четверти ржи весом 10 пуд. 5 фунтов в г. Ардатове составляла 4 руб. серебром, ее отвозка на расстояние в 20–30 верст – не дороже 15 и 20 коп. серебром с четверти. Траву косили обыкновенными косами в небольших поймах Мени, залуженных оврагах и на лесных полянах, как правило, раз в год. Урожай сена был скудный вследствие дефицита пастбищ, где крестьяне пасли свой скот до 9 мая или до Троицы (т.е. молодой траве давалось времени для роста месяц с небольшим до периода скашивания).

По сведениям, собранным П. Варламовым, в волости числилось крупного рогатого скота (КРС) с телятами 880 гол., 704 лошади, 1 220 овец и 576 свиней. Определяя соотношение скота ко всему количеству удобной и неудобной земли (7 157 дес.), он ориентировочно произвел следующий расчет: на каждые 10 дес. земли приходилась одна лошадь, на 8 дес. – одна голова КРС, на 6 дес. – одна овца и на 12 дес. – одна свинья. Местный рогатый скот из-за недостатка кормов и дурного содержания был чрезвычайно малорослым. В зимний период все они вместе с овцами держались в закрытых, но холодных дворах. Кормили их яровой и ржаной соломой, за исключением овец и лошадей, которым изредка перепадало сено, а дойным коровам и лошадям – и месиво. С ранней весны, после схода снега, всю скотину, изнуренную от зимней бескормицы, выгоняли на луг, где в течение лета она немного отъедалась. Более зажиточные крестьяне с осени закупали по дешевым ценам для откорма, забоя или перепродажи более крупным торговцам мелкую и крупную скотину, овец. Например, осенью 1865 года цена за такую штуку на круг, по данным волостного писаря, составляла 1,5 руб. серебром. Случалось, что по убою выручалось до 3 руб. серебром благодаря высокой стоимости сала, достигавшей 5 руб. серебром за пуд. В отношении КРС осенью можно было прикупить среднюю корову за 8–10 руб. серебром. Коз в крестьянских хозяйствах не имели привычки держать, в отличие от поросят, коих у иного мужика было довольно много. Будучи непривередливыми в уходе и кормах эти животные считались довольно выгодными. Зажиточные мужики также закупали свиней для откорма горохом (на каждую свинью – по 5 мер), а после забоя сбывали мясо на Ардатовском базаре, где цена свинины достигала более 1,5 руб. серебром за пуд. Из домашней птицы во дворах предпочитали держать только кур.

Огородничество в Силинской волости находилось в жалком состоянии и развивалось чрезвычайно ограничено: для собственных нужд крестьяне выращивали лишь капусту, огурцы, морковь и лук. В полях, согласно точке зрения автора, волостного правления относительно недавно начали сеять картофель, который хранили в ямах, излишки продавали на соседних базарах по 10–25 коп. серебром за меру. Коноплю, лен и табак русский (махорку) тоже возделывали в мизерных объемах только для себя. Первую культуру сеяли на усадьбе, на удобренной земле, вторую – в поле, третью – в огороде (из местных семян). Садоводство как отдельная отрасль хозяйства тоже было слабым. Кроме 2–3 помещичьих усадеб, культивировавших разные сортовые яблони и немного вишни, им занимались лишь крестьяне в с. Липовка. Небольшие по площади сады не сдавались в аренду, а собираемые в зависимости от сбора плоды сбывались на окрестных базарах. Пчеловодство вообще не представляло хоть сколь-нибудь развитой отрасли сельского хозяйства; им занимались в основном беззаботные старики.

Водяных и паровых мельниц в волости не было, лишь простых в устройстве «ветряков» (на один постав) немного, за исключением 1–2-поставной мельницы в с. Силине. Ценность каждой такой ветряной мельницы, по оценке П. Варламова, не превышала 150 руб. серебром, а вот размол культур на них производился весьма плохой. Существовали также две крупнообдирки, действующие конным приводом по наклонному колесу, и четыре довольно выгодных маслобойни для выработки конопляного масла, жмых при производстве которых служил прекрасным кормом для скота.

Некоторые жители в свободное от полевых работ время, не в ущерб хлебопашеству, занимались кустарными промыслами: портняжеством, кузнечеством, коновальством (лечение лошадей, д. Подверниха; известно из статьи члена Симбирского губернского статистического комитета господина Фонь Гребнера), рытьем колодцев по окрестным селениям (с. Силино), пивоварением (до 10 отличных пивоваров с. Липовка ежегодно отправлялись для этого по России). Единственная в Силинской волости однодневная ярмарка в с. Липовка, незначительная по обороту, приурочивалась к летней Казанской (8 июля), установленной для крестьян окрестности¹⁴. Крестьяне ближайших селений приводили на нее баранов, телят и мелкий рогатый скот. Местные жители приобретали здесь все необходимое для себя, привозимое торгашами. Впрочем, по соображению волостного писаря, оборот ярмарки был незначительным, а собственных базаров не значилось.

Отмечалось, что в совокупности благосостояние крестьян было удручающим. Иной мужик, с виду зажиточный, ни в чем не нуждался, но он вез на базар последнюю четверть ржи или необходимую в хозяйстве овцу или корову, если дело касалось сбора денег с него. По подсчетам волостного писаря, например, крестьянин платил с каждой души ежегодно 3 руб. 20 коп. подушень¹⁵, пастушных¹⁶ – до 60 коп.; на содержание волостного правления – до 40 коп., пунктовых лошадей – 17, жалованье волостному ямщику – 15 коп.; по рекрутской раскладке¹⁷ – 20 коп.; подрядчикам на починку дорог – 17 коп., поддержание исправности мостов – 15, сотскому – 2 и церковному старосте – 2 коп. Более того, священно- и церковнослужителями разными деньгами в течение года собиралось 25 коп. В общей сложности это составляло 5 руб. 33 коп. с души. Если добавить к указанной сумме выкупные деньги с платежами (при полном наделе) и пропивкой в кабаки (67 коп.), то набиралось до 15 руб. серебром. Выходило, что каждая крестьянская семья, состоящая в среднем из 3 душ мужского пола, расходовала до 45 руб. серебром. Приобщая к расчету прочие траты, связанные с домашним бытом (покупка соли, дров, разной утвари, подковка лошадей и частичное приобретение одежды), затраты оказывались не такими уж малыми, как думалось с первого взгляда постороннему человеку. Существование крестьян было бы затруднительным без свободных съёмных земель, достаточных в крае по площадям, от возделывания которых они получали барыши. К тому же капиталистов, имевших возможность предоставлять ссуды, в округе было мало. Если мужик и брал денежные средства займы, то их возврат достигал не менее 12% годовых.

При этом мужичок, став таким образом независимым, не унывал. Напротив, пользовался любым удобным случаем, чтобы где-нибудь пображничать. На все и новые праздники 8 июля и 8 ноября, чтимые им после Пасхи и Рождества Христова, он варил по 6 ведер конопляного пива на душу, покупал соответственное количество

¹⁴ Фонды по Ардатовскому уезду Симбирской губернии. Дела для поиска генеалогической информации и любителям краеведения. Силинская волость (1897–1917). URL: <https://forum.vgd.ru/post/531/72850/p2203418.htm>

¹⁵ Подушная – подушевой налог.

¹⁶ Пастушные – плата пастухам за пастьбу скота.

¹⁷ Рекрутская повинность, установленная в России по числу душ после первой ревизии 1722 года.

вина, мяса или рыбы, чтобы бражничать всю неделю. В это время он ни за какие хозяйственные дела не принимался и не задумывался: «Гибнет ли от этого хлеб в поле или нет?» В общем и целом уровень пьянства по волости не только не снижался, а ежегодно увеличивался. По сведениям Силинского и Липовского приходов, только на этих сельских кладбищах в 1865 году схоронили 5 чел. опившихся. Ко всему прочему, по оценке П. Варламова, обыденным явлением в 1860-х годах оказывалось хоронить опойцев на общих сельских кладбищах, на что силинцы смотрели с искренним негодованием. Крестьяне были твердо убеждены: отступление от старинных обычаев – страшный грех, который неминуемо повлечет за собою безбожие и неурожай. Они бы дорого заплатили за изменение распоряжения правительства, так как приличным местом для погребения такого асоциального человека должен быть какой-нибудь глубокий лесной овраг. В случае же его погребения на общем погосте и при отсутствии священно-, церковнослужителей при его зарытии во избежание (отвращение) предстоящих, по их разумению, несчастий, гроб с умершим опойцем требуется не опускать, а бросать в могилу, втыкая вокруг него осиновые колья в качестве оберега от нечистой силы¹⁸.

Так образовывался порочный круг, который невозможно было разорвать: с одной стороны, пьянство губило работоспособных людей, следовательно, подрывало экономику региона и страны в целом, а с другой – искоренять его государству было невыгодно. Другими словами, проблемы активного неприятия пьющих и предания их земле в случае смерти разбивались о стену пронизывавшей все слои общества традиции выпивки, порождавшей защиту и терпимое отношение к алкоголю (5; 6; 9, с. 46-47, 107; 10; 12).

Вера в наговоры и нашептывания также играла важную роль, особенно при совершении свадебных церемоний. Например, из боязни причинения порчи новобрачным со стороны какого-нибудь завитухи-коновала¹⁹, который пользовался на селе большим почетом, его обильно угощали. П. Варламов в данном случае отмечал, что «важничанью и ломанью того тут не было конца», и он пил столько пива и вина, сколько его душе было угодно. Силинский мужик с целью очищения от болезни во время эпидемии и открытия повальных падежей скота всегда зарывал первого павшего животного на том месте, где оно околело. Якобы этот ритуал должен был непременно предотвратить всеобщую гибель скотины. Если все же процесс развивался, то стадо прогоняли через «Живой огонь», а именно: в утренние часы, когда он добывался, во всех сельских избах тщательно заливался (тушился) весь другой огонь, а 2–3 дюжих парня приступали к трению дерева об дерево. Другие крестьяне выбирали удобный овраг, рыли в нем ров так, чтобы образовался небольшой, но удобный свод для прогона мирского стада. Святой огонь раскладывался поверх рва над сводом и через него пропускали всю скотину (11).

Относительно состояния здоровья самих силинских жителей указывалось, что оно не блистало. Крестьяне, будучи одетыми не по погоде, часто простужались. Да и курные избы, в большинстве отапливаемые соломой, вредили здоровью, зрению.

18 В языческих суевериях и преданиях многих народов до прихода христианства осину считали эффективным средством в борьбе против колдовства и действия потусторонних существ; славяне особенно верили в спасительную силу этого дерева.

19 Так с пренебрежением называли знахаря, лечащего лошадей; плохого, невежественного врача; лекаря-самоучку.

Огромные бедствия, как в 1863 году, причинила населению, рогатому скоту и домашней птице паразитирующая на злаковых растениях спорынья²⁰. Высокая зависимость выявилась при употреблении такого хлеба и выкидышами во всех без исключения случаях местных беременных женщин. В следующем году среди взрослых силинцев наблюдалась жуткая горячка, неоднократно возвращавшаяся к одному и тому же больному в течение года, а малыши гибли от эпидемии повальной оспы. Уездный врач, специально командированный для этого, по-видимому, не принес никакой пользы из-за отсутствия лекарств. (В приведенной ниже Таблице 1 отражены данные по уровню смертности местного населения в 1865 году.)

Таблица 1. Показатели уровня смертности населения Силинской волости в 1865 году
Table 1. Indicators of the mortality rate of the population of the Silinsky volost in 1865

Количество умерших среди населения православной веры	Муж.	Жен.
Возрастом		
до 1 года	21	31
1 – 5 лет	4	5
5 – 10 лет	2	1
10 – 15 лет	–	1
20 – 25 лет	3	3
25 – 30 лет	–	1
30 – 35 лет	1	1
35 – 40 лет	–	–
35 – 40 лет	–	3
40 – 45 лет	1	1
45 – 50 лет	–	–
50 – 55 лет	1	2
55 – 60 лет	1	2
60 – 65 лет	3	–
65 – 70 лет	1	–
70 – 75 лет	1	–
75 – 80 лет	–	1
свыше 80 лет	–	–
Итого:	40	52

Источник: Варламов П. Описание Силинской волости (Окончание) // Симбирские губернские ведомости. 1866. № 7. 20 января

Source: Varlamov P. Description of the Silinsky volost (Ending). Simbirskie gubernskie vedomosti. 1866; 7. January 20

²⁰ Спорынья, или маточные рожки, – гриб, который продуцирует опасные токсины, вызывая у людей отравление, поражение центральной нервной системы, образование гангрены и смерть; пораженные спорыньей зерна злаков становятся непригодными для пищи.

По подсчетам П. Варламова, по показателям общей смертности населения в Силинской волости в 1865 году дети в возрасте до 5 лет составляли 65%; среди всех умерших в возрастной группе свыше 80 лет не отмечалось, как и лиц других исповеданий, кроме православия. Глубокое сочувствие вызывали у волостного писаря беременные женщины, ощутившие на себе неслыханное варварство при родах, после которых от неумения обращаться с новорожденными умирало более 1/3 от всех появившихся на свет малюток. Вообще крестьяне были бы не прочь полечиться у врача и поучиться, да не у кого было. «Темные», неграмотные мужички, от природы одаренные хорошими умственными способностями, по его мнению, осознавали пользу азов грамотности, получая их или от писаря волостного правления, или от бывших дворовых людей. У таких учителей самоучкою научились читать и писать 23 чел. на 897 душ мужского населения волости, или 2,5% на каждые 100 душ.

Выводы

Вышеизложенное позволяет заключить, что этнокультурная идентичность сибирцев определялась жизненным укладом, доминированием его в сельском хозяйстве, с сочетанием общинного землепользования и религиозности. Крестьянские дворы сохраняли потребительский характер, обладали определенной динамикой, но не выходили за границы традиционной, значительно архаизированной аграрной подсистемы, экономики Симбирского Поволжья. Они базировались на «мужицком хозяйстве», трудоемком и затратном по своей природе и весьма далеком от оптимальных параметров организации базовых элементов производства. В духовно-культурной ориентации местных жителей бытовал архаичный культ почитания предков, демонстрировались коммуникативные практики между «миром живых» и «миром мертвых» в формате ритуалосферы. Результаты проведенной авторами работы могут способствовать дальнейшим вернакулярным исследованиям по данной проблематике.

Список источников

1. Акулова А.А. и др. Толерантность и культура межнационального общения (Tolerance and culture of interethnic communication) / под ред. Е.А. Журавлевой, В.В. Шалина. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. 307 с.
2. Арнольдов М.В. Ярмарки и базары в Симбирской губернии (Fairs and Bazaars in the Simbirsk province) // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Симбирск: Симбирский губ. стат. ком., 1866. Вып. 3. С. 21–40.
3. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие (Peoples and Cultures: Development and Interaction). М.: Наука, 1989. 250 с.
4. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы (Synergetic Approach to the Study of Sociocultural Processes: Opportunities and Limits). М.: МГИДА, 2002. 326 с.
5. Бромлей Ю.В. Этнографическое изучение функций культуры (Ethnographic Study of the Functions of Culture) // Традиции в современном обществе: исследование этнокультурных процессов. М.: Наука, 1990. С. 5–17.

6. Комплеева Л.Ю. Культура потребления алкоголя в средневожской деревне в период НЭПа (The Culture of Alcohol Consumption in the Middle Volga Village During the NEP) // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2012. № 27. С. 722–724.
7. Королева-Конопляная Г.И. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева (Gumilyov theory of ethnogenesis) // Социально-политический журнал. 1994. № 7/8. С. 121–125.
8. Купцова И.А. Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации (The dynamics of Russian provincial culture in the context of historical transformations of Russian civilization). М., 2011. 377 с.
9. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: Контуры, символы, знаки (Encyclopedia of banalities: Soviet everyday life: Contours, symbols, signs). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. 442 с.
10. Пивцайкина И.А. «Голубые Дунай», или Особенности «национального порока». Проблема пьянства и самогеноварения по материалам печати Мордовии середины XX в. („Blue Danubes“, or Peculiarities of „National Evil“. The problem of drunkenness and moonshine brewing according to the materials of the Mordovian Press in the middle of the 20th century) // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 117–121.
11. Скульмовская Л.Г. Противоречия разнонаправленного развития культуры региона в современных условиях (Contradictions of the multidirectional development of the region culture in modern conditions). Екатеринбург, 2005. 346 с.
12. Хорошего держитесь: церкви и религиозные объединения в Российской державе, Советском Союзе и независимых государствах, возникших после его распада (Hold on to the Good: Churches and religious associations in the Russian State, the Soviet Union and Independent States that emerged after its disintegration) / под ред. Г. Чернера и др.; пер. с нем. Ю.А. Голубкина. Харьков: Майдан: Фолио, 1999. 480 с.

Информация об авторах

КИЛЬДЮШКИНА Ирина Геннадьевна. Кандидат исторических наук. Доцент. Ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>. Адрес: Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, Саранск, ул. Л. Толстого, 3. irakil1967@mail.ru.

ЯКОВЛЕВА Анастасия Юрьевна. Кандидат искусствоведения. Артист Государственного оркестра народных инструментов Республики Татарстан Татарской государственной филармонии имени Габдуллы Тукая. <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>. Адрес: Российская Федерация, Республика Татарстан, 420049, Казань, ул. Павлюхина, 73, 8nastyas8@list.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 октября 2022. Одобрена после рецензирования: 25 октября 2022. Принята к публикации: 5 ноября 2022. Опубликовано: 21 декабря 2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akulova A.A. [and others] *Tolerance and Culture of Interethnic Communication* / ed. E.A. Zhuravleva, V.V. Shalina. Krasnodar: Enlightenment-South, 2009: 307 p. (In Russian).
2. Arnoldov M.V. *Fairs and Bazaars in the Simbirsk province. Materialy dlya istorii i statistiki Simbirskoj gubernii*. Simbirsk: Simbirsk Province stat. com., 1866; 3:21–40. (In Russian).
3. Arutyunov S.A. *Peoples and cultures: Development and interaction*. Moscow: Nauka, 1989: 250 p. (In Russian).
4. Astafieva O.N. *Synergetic Approach to the Study of Sociocultural Processes: Opportunities and Limits*. Moscow: MGIDA, 2002: 326 p. (In Russian).
5. Bromley Yu.V. *Ethnographic Study of the Functions of Culture. Traditions in Modern Society: A Study of Ethnocultural Processes*. Moscow: Nauka, 1990: 5–17. (In Russian).
6. Kompleeva L.Yu. *The culture of alcohol consumption in the Middle Volga Village during the NEP. Izvestiya Penzenskogo gos. ped. un-ta im. V. G. Belinskogo*, 2012; 27: 722–724. (In Russian).
7. Koroleva-Konoplyanaya G.I. *The L.Gumilyov theory of ethnogenesis. Socio-political journal*. 1994; 7/8:121–125. (In Russian).
8. Kuptsova I.A. *The dynamics of Russian provincial culture in the context of historical transformations of Russian civilization*. Moscow, 2011: 377 p. (In Russian).
9. Leбина N.B. *Encyclopedia of banalities: Soviet everyday life: Contours, symbols, signs*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2006: 442 p. (In Russian).
10. Pivtsaykina I.A. „Blue Danubes“, or Peculiarities of „National Evil“. *The problem of drunkenness and moonshine brewing according to the materials of the Mordovian Press in the middle of the 20th century. Center and Periphery*. 2009; 1:117–121. (In Russian).
11. Skulmovskaya L.G. *Contradictions of the multidirectional development of the region culture in modern conditions*. Ekaterinburg, 2005: 346 p. (In Russian).
12. *Hold on to the Good: Churches and religious associations in the Russian State, the Soviet Union and Independent States that emerged after its disintegration* / ed. G. Cherner and others; transl. from Germany: Yu.A. Golubkin. Kharkov: Maidan: Folio, 1999: 480 p. (In Russian).

About the authors

Irina G. KILDYUSHKINA. CandSc (Hist). Docent, Leading Researcher at the Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>. Address: 3, L. Tolstoy st., Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Anastasia Yu. YAKOVLEVA. PhD (Hist. of Arts). Artist of the State Orchestra of Folk Instruments of the Republic of Tatarstan, Tatar State Philharmonic named after Gabdulla Tukay. <https://orcid.org/0000-0002-2142-7113>. Address: 73, Pavlyukhina st., Kazan, 420049, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: October 14, 2022. Approved after peer reviewing: October 25, 2022.

Accepted for publication: November 5, 2022. Published: December 21, 2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.